

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

АЛЕКСЕЙ МАКРЕМВОЛИТ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ВИЗАНТИИ

Византийская империя в середине XIV в. переживала неблагоприятную ситуацию, характеризующуюся сложным переплетением негативных экономических и политических явлений. Городская экономика в силу особенностей исторического пути византийского города утратила к середине XIV в. перспективу развития. Восстание в Фессалонике 1342—1349 гг., бывшее попыткой создания более или менее прочного союза центральной власти и городов, оказалось подавленным. Немалую роль в этом сыграло активное вмешательство в ход событий представителей центробежных сил империи. Междоусобья, непрекращающиеся войны с соседними государствами углубили состояние внутреннего бессилия страны.

Современники общественных событий середины XIV в. считали состояние войны одним из главных проявлений несчастий империи. Описанию военных событий, оценке соперников Византии на полях брани посвящено немало страниц сочинений рассматриваемого времени. Проблемы международного престижа Византии и ее отношений с соседними государствами, проблемы политического будущего империи волновали многих писателей XIV в. Одни из них, вопреки складывающейся ситуации, продолжали славить Константинополь, «око и сердце ойкумены» (Георгий Карбон), сочинения других были полны осознания того, что авторитет страны стал ничтожным (Димитрий Кидонис). Задача статьи — выявление отношения к внешнеполитической ситуации представителя наиболее демократических слоев византийской интеллигенции — учителя и землемера Алексея Макремволита. Изучение вопроса о внешнеполитической ориентации писателей, представлявших различные слои общества, поможет воссоздать состояние политической мысли в Византии времени, предшествующего гибели империи.

Алексей Макремволит был далек от идеализации внешнеполитического авторитета Византии. Дни, «когда процветала наша империя и вера»¹, воспринимаются им как далекое прошлое. Он противопоставляет настоящее своей страны счастливым для нее прежним временам: «Тогда мы владели самыми

дальними землями, нынче же у нас не осталось провинций... тогда нам были подчинены все те народы, от которых сейчас мы зависим во всем. Мы... илоты и трижды плененные» (Разг., 213.13—19).

Главными соперниками Византийской империи Алексей Макремволит считает латинян и турок, оказывавших давление на страну: одних — с запада, других — с востока.

Латиняне представлены в сочинении Алексея Макремволита «Logos historikos» генуэзцами. Писатель внимательно прослеживает утверждение купцов из Генуи на византийской земле. Он связывает появление генуэзского поселения близ Константинополя с реставрацией Византийской империи. Автор замечает, что генуэзцы появились в Византии, «когда первый Палолог получил скипетр царской власти...»². Сначала жители столицы видели на месте генуэзского поселения скромные деревянные палатки (Логос, 144. 9—10), но позднее, когда эти постройки погибли в пожаре, император поселил их «внутри бухт города» (entos ton kolpon autou.— Там же, 145.5—6). Здесь возникли вместо маленьких палаток многоэтажные дома, гостиницы, был построен большой флот (145.24—28). Алексей Макремволит отмечал, что генуэзцы сразу же получили свободу торговли и льготы (ateleian epi pasi kai eleutherian.— 144.8—9). При уплате ими телоса, по мнению писателя, богатело от этого не государство, а сами налогоплательщики (144.12—145.2).

Отношение Алексея Макремволита к поселившимся близ византийской столицы итальянским купцам было резко негативным. Он называет их «родом дерзостным и неумолимым» (genos hitamon kai ameilikton.— 144.3), считая, что Генуя является родиной «воинственности и пиратства» (144.6—7). Макремволит связывает с именами генуэзцев убийство и неблагодарность (144.4). Он называет родиной поселенцев в Галате не столько Геную, сколько геенну огненную (144.4—6), обыгрывая внешнее сходство слов «Γεννοια» и «γεεппα».

Алексей Макремволит пишет, что генуэзцы вели себя нагло на византийской земле, «презирая и оскорбляя автократора» Иоанна Кантакузина (146.13—14). «Он (род генуэзцев) мстил ему,— замечает писатель,— и находился в большом раздражении против него. Это из-за того, что он незадолго до этого предоставил византийцам благоденствие через хрисовул» (146.14—16). В ответ на внесенное Иоанном Кантакузином изменение в таможенной политике империи, снижавшее ввозные пошлины на продовольствие и сократившее торговые льготы жителей Галаты, последними были начаты военные действия³. В огне пожаров, организованных генуэзцами в предместье Константинополя и в гавани, где шло строительство византийского флота, погибли дома, стены которых, по мнению Алексея Макремволита, украшали ранее город, как ожерелье, а также храмы, святилища, баржи, большие корабли, шлюпки (147.5—15)⁴.

Войной, принесшей византийцам ущерб (dzemia) и человеческие жертвы, и «поворотом дел» (153.11—12) христиане-генуэзцы проявили жестокость, которую Алексей Макремволит склонен сравнивать с поведением варваров. Он пишет, что генуэзцы «превзошли в бесчеловечности и жестокости всякого варвара и нечестивого» (147.28—29). Писателя возмущает, что латиняне проявили эти качества против тех, кто ранее оказывал им покровительство. По его мнению, генуэзцы совершили «такую несправедливость в отношении их (византийцев.— М. П.) благодеяний, какую не превзошли бы ни скифы, ни агаряне» (147.29—31).

Последние из приведенных замечаний Алексея Макремволита приводят к мысли, что византийцы в силу остроты внешнеполитической ситуации вынуждены были постоянно сравнивать западных и восточных врагов империи.

Что же пишет Алексей Макремволит о турках? В «Плаче», посвященном храму Софии, пострадавшему от землетрясения, писатель говорит о разрушительном характере турецких набегов на византийские земли: «Не они ли совершали набеги на всю нашу землю и опустошали ее? Не населяли ли они наши прославленные и почитаемые города, с жителями которых, ранее пребывавшими в благополучии и не изведавшими зла, они обращались, как с рабами? Не были ли мы по всей земле подвергнуты пленению? Не были ли из-за этого наши деревни и города опустошены и покинуты жителями?» Алексей Макремволит оплакивает истребление жителей империи турецкими воинами: «Не были ли мы сыновьями агорян преданы резне, как овцы?.. Не были ли наши кости плачевно разбросаны вокруг во время бесконечных боен, а наши тела не были ли пищей птицам в небе и животным на земле?»⁵.

Однако когда речь идет о сравнении проявлений жестокости со стороны латинян и турок, чувствуется особо враждебная настроенность Алексея Макремволита по отношению к первым. Он подвергает критике латинян прежде всего за то, что они подняли руку на своих братьев-христиан. Макремволит пишет в своем «Историческом слове»: «Открыто борющимся с почитателями Креста не следовало уважать и почитать Крест, но орудие зла — змею» (148.14—16).

Писатель усматривает в поведении генуэзцев стремление представить себя — в соответствии с учением отцов латинской церкви — совсем иными, чем они были в действительности. Он называет латинян «разыгрывающими крайнюю справедливость и фарисейски хвастающими, что от учителей своих они имеют учение: «из-за чужого не вступать в борьбу никогда в жизни» (147.31—33; 148.1).

Высшим упреком автора «Исторического слова» в адрес генуэзцев является обвинение их в неуважительном и даже кощунственном отношении к богу. Он замечает: «Перебежчики

рассказывали, что при служении Богу они совершали кощунственное» (148.19—21). Алексей Макремволит приводит примеры, когда латинские священники, одев священнические одежды, «плясали... собутыльничали и дрались, презирали таинства христиан» (ta christianon dethen exouthenountes musteria.—148.24—27). После этого, как замечает с возмущением писатель, слышались «крики наглостей и ужасных кощунств» (148.25).

В «Логосе 2»⁶ Алексея Макремволита ощущается даже стремление оправдать турок по сравнению с латинянами. Писатель считает, что уничтожение и разрушение христианских икон (eikonon kathairesin kai suntriben) мусульманами не является глумлением над ними, ибо это совершается ими неразумно (anoetos)⁷. К тому же, по мнению Макремволита, «бог превосходит имя бога нарисованной иконы»⁸.

Расставляя отмеченные акценты в оценке врагов Византии, Алексей Макремволит, подобно многим своим современникам, стремится дать объяснение внешнеполитическим неудачам империи.

Писатель передает мнение его соотечественников о том, что в военном отношении империя была достаточно сильна. Когда началась византийско-генуэзская война, «все считали, что римляне победят бесспорно» (Логос, 153.15). Макремволит упоминает о «множестве конных упряжек и триер, и воинов на них, и всадников на суше, и силы пехотинцев, и неудержимости натиска» (153.17—20). Писатель тут же вносит коррективы в свое понимание условий победы: «...победа является результатом не большой силы, а почитания добродетели и благочестия» (153.20—21). Таким образом, Алексей Макремволит сводит проблему военную к проблеме моральной.

Неблагоприятный для византийцев поворот судьбы в области внешнеполитических отношений Макремволит объясняет вмешательством дьявола: «Какое дьявольское излияние превратило (наши) торжества и празднества в несчастье, а бедствование латинян в благолепие и ликование?» (154.3—5). Писатель, используя форму треноса, говорит, что отвратительный ветер (apotropaïos anemos) погасил в душах зажженный ранее светильник добродетели (153.31—154.1). Самый весомый упрек в адрес соотечественников — отсутствие у них уважения к богу: «Отчужденный от Бога предается гибели» (154.12). Алексей Макремволит напоминает, что люди за нравственные прегрешения перед богом испытывали «в различное время веков» «и грады, и землетрясения, и наводнения, и насилия духовные, и голод, и чуму, и гражданские войны» (emfulioi polemoi). По мнению писателя, это «все совпало» в его время (155.19—22).

Следовательно, по Макремволиту, византийцы, поскольку «Бог от них отвернулся» (156.23), были побеждены генуэзцами по божьему предусмотрению: «Ныне латинянам была дана божественная сила» (156.4—5). Слово о генуэзцах заканчивается

фразой, звучащей в том же ключе: «Вот так Бог латинянам (в борьбе) против римлян поставил памятник победы, глядя на них благосклонно!» (159.30—31).

Победы турок над византийцами Алексей Макремволит также объясняет их моральным превосходством над своими соотечественниками. Писатель считает, что «многие из них по сравнению с нами во много раз опережают нас проявлением веры». Уничтожая христианские иконы, мусульмане совершают меньший грех, нежели христиане, каждодневно уничтожающие бога в своих душах: «Мы же более тех (турок.— *М. П.*) его оскорбляем»⁹. Аналогии Алексея Макремволита в конечном счете сводятся к социальным основам. Он считает, что несправедливость соотечественников по отношению друг к другу, скупость тех, кто обладал всеми богатствами мира, порождает то, что ниспосылаются на Византию свыше опустошительные войны. В «Разговоре между богатыми и бедными» писатель считает основой безнравственности своих сограждан их социальную несправедливость: «Это нелепо, что евреи и мусульмане человеколюбивы и милосердны, а ученики Христа, по природе человеколюбивого и милосердного, бессердечны и скупы по отношению к единоплеменникам» (Разг., 205.11—14). Выясняя причины поражения византийско-генуэской войны, Алексей Макремволит среди тех нравственных проявлений, которые ненавистны общему Отцу, называет корыстолюбие (*aischrokerdeia*.— Логос, 155.1—2).

Признавая, таким образом, несостоятельность внешней политики Византии и сокращение ее международного авторитета. Алексей Макремволит усматривал в этом прежде всего проявление социальных недугов страны. Его можно счесть единственным из писателей середины XIV в., кто настойчиво и недвусмысленно указывал на внутренние социальные причины внешнеполитических неудач империи. В соответствии с характером мировосприятия, присущего эпохе, Алексей Макремволит видел в поражениях Византии проявление божественного решения, карающего византийцев за несправедливость в сфере человеческих отношений, за корыстолюбие и алчность.

Алексей Макремволит, склонявшийся порой к признанию безысходности в положении империи¹⁰, предпочитал в будущем политическое влияние турок, нежели итальянцев. Неприятие союза с латинянами делало его позицию в оценке внешнеполитического положения Византии близкой к настроениям демократических слоев населения, ненавидевших западных христиан со времен их осененного крестом похода, принесшего Византии утрату свободы на многие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his Dialogue between the Rich and the Poor.— ЗРВИ, 1960, кн. 6, 213. 13 (далее — Разг.).

² Παπαδοπουλος-Kerameus A. *Analekta hierosolomitikes stahuologias*. СПб.-1891, t. 1, 144.1—2 (далее — Логос).

³ Kyrris C. P. John Cantacuzenos and the Genoese 1321—1348.— *Miscellanea storica ligure*. 3. Milano, 1963, Fonti e studi, N 7, p. 43—48.

⁴ Скржинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в.— ВВ, 1947, т. 1 (26), с. 231—232. Нам осталась недоступной статья: Ševčenko I. The Zealot Revolution and the supposed Genoese Colony in Thessalonica.— *Prosfora eis Stilpona Kuriakiden. Hellenikon parartema*. Thess., 1953, N 4.

⁵ Kuruses St. I. *Hai antilepseis peri ton eschaton tou kosmou kai he kata to etos 1346 ptosis tou troullou tes hagias Sofias*.— ЕНБС. Thess., 1969—1970, t. 37, 30—37.

⁶ Logos 2 находится в рукописи Sabbaticus 417 XIV в. Иерусалимской патриаршей библиотеки (f. 22v—51v) и до сих пор не опубликовано. В работе используются отдельные фрагменты этого «Логоса», приведенные И. Шевченко в подстрочном аппарате статьи «Alexios Makrembolites and his Dialogue...».

⁷ Logos 2, f. 37v—38r.— Ševčenko I. *Alexios Makrekbolites and his Dialogue...*, p. 196, n. 62.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Поляковская М. А. Эсхатологические представления Алексея Макремоволита.— АДСВ, 1975, вып. 11, с. 87—99.